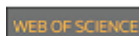

Гулыга О. А. О типах антропоцентрических элементов в семантике дискурсивных слов (на материале французского и русского языков) / О. А. Гулыга // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 41—55. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-41-55.

Gulyga, O. A. (2019). On Types of Anthropocentric Elements in Semantics of Discursive Words (by Material of French and Russian Languages). *Nauchnyi dialog*, 9: 41-55. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-41-55. (In Russ.).

УДК 81'37:572+81'366[811.133.1+811.161.1]

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-41-55

О ТИПАХ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СЕМАНТИКЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

© Гулыга Ольга Арсеньевна (2019), orcid.org/0000-0002-1399-8557, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора романских языков, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Россия), ogulyga@yandex.ru.

Статья посвящена анализу элементов смысла с семантическим признаком 'человек' (антропоцентрических элементов) на материале русского и французского языков. Рассматривается вопрос о их роли в семантике служебных лексем и дискурсивных слов. Предлагается классификация ряда скрытых антропоцентрических элементов, приводится обоснование данной классификации. Новизна исследования видится в том, что к таким элементам отнесены не только говорящий и наблюдатель, как во многих работах на сходную тему, но и носитель точки зрения, носитель нормы, контролер шкалы. Представлены результаты дополнения современных описаний служебных и дискурсивных слов. Автор отмечает, что в существующих описаниях семантики для обозначения неявного присутствия элемента *человек* либо используются безликие конструкции, либо указывается внутреннее состояние одного из главных семантических актантов (*Х хочет, чтобы; Х считает, что; Х испытывает состояние Y*), либо вводятся показатели логической, эмоциональной, вероятностной оценки, то есть в явном виде отсутствует индивидуализированная фигура за кадром. Предлагается включить в семантическое описание разнообразные типы антропоцентрических элементов скрытого плана вместо того, чтобы объединять их под наименованиями *говорящий* или *наблюдатель*.

Ключевые слова: антропоцентризм; имплицитность; субъектность; дейксис; дискурсивные слова; перцепция; наблюдатель; норма; субъект сознания; экспериенцер.

1. Введение

Цель статьи — охарактеризовать скрытые антропоцентрические элементы в плане содержания некоторых языковых выражений. Антропоцен-

трические компоненты смысла отражают концепт ЧЕЛОВЕК. Словарь любого языка содержит большое число тривиально антропоцентричных лексем — названий артефактов, действий, внутренних состояний, речевых актов и других, см. [Апресян, 2009, с. 490]. Существуют, однако, лексемы разных классов и словосочетания с нетривиальными, скрытыми компонентами такого рода. Их можно назвать фигурами второго плана. Мы ставим перед собой задачу выделить в составе обобщающего концепта ЧЕЛОВЕК разновидности этого концепта.

В настоящее время не существует общепринятых наименований для скрытых антропоцентрических элементов. Приведём примеры используемых разными исследователями терминов. Ю. Д. Апресян: *человеческий фактор, наблюдатель, неназванный наблюдатель* [Апресян, 1986]; Е. В. Падучева: *наблюдатель, экспериент за кадром, наблюдатель как участник неассертивного компонента в семантической структуре, субъект сознания, закадровое сознание, первичный и вторичный эгоцентрик* [Падучева, 2006; Падучева, 2018]; Е. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв: *говорящий в широком понимании, присутствие говорящего в ситуации, наблюдатель* [Булыгина и др., 1997]; Е. С. Яковлева: *волевое начало, наблюдатель, говорящий в широком понимании* [Яковлева, 1994]; Г. И. Кустова: *внешний и внутренний наблюдатель, человек реагирующий, человек, претерпевающий воздействие*, у этого лингвиста также есть понятие экспериентальной составляющей, которая присутствует в любой ситуации, где участвует человек [Кустова, 2002; Кустова 2011]; О. Дюкро, А. Кюлиоли, Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук: *автор высказывания* — скрытая фигура, отличная от говорящего [Ducrot, 2001; Culioli, 1990; Иорданская и др., 2002]; О. Дюкро: *форма субъективности* [Ducrot, 2001].

Остановимся кратко на понятии «автор высказывания». Французские лингвисты Антуан Кюлиоли [Culioli, 1990, с. 150] и Освальд Дюкро [Ducrot, 2001, с. 20] различают говорящего (фр. *locuteur*) и автора высказывания (фр. *énonciateur*), в рамках теории полифонии. Говорящий — это создатель высказывания в его материально воспринимаемой форме. Автор высказывания — это фигура второго плана, называемая этими исследователями также *форма субъективности, персонаж, носитель точки зрения, скрытый мыслящий субъект*. Говорящий включает в свою речь результаты ментальной деятельности другого человека — автора высказывания, — такие как опыт, мнения, аргументацию, выбор номинации, необязательно соглашаясь с ним. Солидарность говорящего и автора высказывания может быть полной, частичной и нулевой. В частности, ирония — это пример несогласия говорящего и автора высказывания. Так, в предложении *Столько*

любви, а в аптеку сходить некому (Фаина Раневская) первая его часть отсылает к субъекту сознания, не совпадающему с говорящим.

Трактовка присутствия человека на скрытом плане различна у разных лингвистов. Часто бывает, что, признавая многообразие концепта ЧЕЛОВЕК, исследователи сводят его к какому-то одному его проявлению. Е. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв указывают на *присутствие говорящего* при описании так называемых изобразительных глаголов: *белеть, маячить, развеиваться*, — которые «могут функционировать только в предикациях, описывающих конкретную, “актуальную” ситуацию, в которой находится (или помещает себя) говорящий» [Булыгина и др., 1997, с. 52]. Е. В. Падучева возражает на это следующим образом: «У Е. В. Булыгиной по поводу *белеть, реять, развеиваться, уплетать* шла речь о “соприсутствии говорящего”. Теперь можно уточнить: присутствует не говорящий, а наблюдатель; в самом деле, этим словам вовсе не требуется, для их уместного употребления, речевой контекст» (речевой контекст как речевой акт с реальным говорящим и слушающим. — О. Г.) [Падучева, 2006 с. 405].

2. Обобщение vs. разделение скрытых антропоцентрических элементов. Наблюдатель в широком смысле слова

Для примера возможных подходов к проблеме сошлёмся на работы Г. И. Кустовой и Е. В. Падучевой. Г. И. Кустова в статье о лексической функции Magn [Кустова, 2011, с. 260] указывает на антропоцентрические элементы в значениях выражающих её слов: многие Magn’ы представляют собой не собственные признаки предметов, а отражают состояние человека во взаимодействии с предметами и явлениями. Таковы, например, *ослепительная красота, головокружительная высота* — примеры Г. И. Кустовой; ср. также *гнетущая тишина, пронизывающий ветер, нестерпимая боль* (примеры мои. — О. Г.). Компонент ‘человек’ может соотноситься с экспериенцером, реагирующим на высокую степень признака, как в приведенных примерах. Также человек может быть агенсом, отвечающим за высокую степень признака: *плясать до упаду* (пример Г. И. Кустовой), *бежать сломя голову, смотреть во все глаза, спорить до хрипоты, слёзно умолять* (примеры мои. — О. Г.). Такие компоненты Г. И. Кустова тоже называет наблюдателем, хотя и отмечает, что человека, реагирующего на внешнее воздействие или претерпевающего его, или, добавим мы от себя, каузирующего повышение степени признака, трудно считать просто наблюдателем.

В работах [Падучева, 2006; Падучева 2018] рассматриваются разнообразные скрытые элементы, или элементы второго плана, связанные с миром человека. При этом Е. В. Падучева стремится отнести их все к фигуре

наблюдателя, ср.: «Ниже мы рассмотрим серию примеров и аргументов в пользу наблюдателя. Плохо, однако, если лингвистически содержательные следствия из присутствия наблюдателя в семантике слова будут разные, а термин один и тот же. Задача — найти общее во всех этих отдельных случаях» [Падучева, 2006, с. 405].

С фигурой наблюдателя в упомянутых работах Е. В. Падучевой отождествляются элементы второго плана, такие как говорящий, собственно наблюдатель, субъект вторичного дейксиса, экспериент за кадром, субъект пространственного дейксиса, субъект сознания, а также носитель каких-то других ролей в ситуации — перемещающийся наблюдатель, субъект временного дейксиса, наблюдатель в семантике вида и времени, наблюдатель в генитивной конструкции с глаголом *быть*, наблюдатель в семантике глаголов проявления свойства.

С нашей точки зрения, логично было бы представлять фигуры второго плана как самостоятельные сущности внутренней стороны языковых выражений с присущими им функциями. Нет никакой необходимости сводить их к наблюдателю, тем более, что у многих из них отсутствует перцептивный компонент, предполагаемый внутренней формой этого термина. Идей разнообразия элементов скрытого плана мы и будем руководствоваться в дальнейшем описании.

3. Говорящий

Хотя говорящий и не относится к элементам скрытого плана, мы скажем о нём несколько слов. Говорящий — это оформленный носитель субъективности. Он является элементом дейктического измерения высказывания, в рамках которого имена участников и параметров события, о котором идёт речь, получают свою форму в зависимости от близости к речевому акту [Кибрик, 2003, с. 110]. В силу этого говорящий не относится к скрытым элементам высказывания, обладая кодифицированными дейктическими характеристиками. Если принять за первичную форму речи диалог, обязательное оформление акторечевых ролей представляется естественным. Такое оформление включает наличие класса личных местоимений, личного глагольного спряжения, дейктических местоимений и наречий. Например, личные местоимения совмещают семантические и синтаксические роли глагольных аргументов с их дейктическими характеристиками: 1-е лицо ‘говорящий как участник речевого акта’, 2-е лицо ‘слушающий как участник речевого акта’, 3-е лицо ‘не-участник речевого акта’.

Поскольку именно говорящий несёт ответственность за высказывание, его знание, мнение, оценки, гипотезы оказываются решающими при

трактовке даже строгих грамматических смыслов. «Главный фактор в употреблении уступительных лексем — мнение говорящего» [Апресян, 2006, с. 101], в этой же работе приводится пример *Хотя Катя очень красива, Пете она не нравится*, отсылающий к частному знанию говорящего о том, что Пете не нравятся красивые девушки, даже если оно противоречит принципу привлекательности красивых людей.

4. Фигуры скрытого плана в семантике дискурсивных слов русского и французского языков

Дискурсивными словами, (условно) служебными словами, модальными частицами называются единицы особого типа, такие как, например, русские *едва*, *почти*, *на самом деле*, *вообще* и т. п. [Путеводитель ..., 1993, с. 7]. Их название было взято из французской лингвистической традиции, где они называются *mots du discours*. Мы выбрали ряд дискурсивных слов для демонстрации особенностей скрытого плана семантики, поскольку здесь хорошо представлено разнообразие его проявлений.

НАБЛЮДАТЕЛЬ. ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА РУС. *ЕДВА*, ФР. *À PEINE*. В соответствии с толкованием в «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» [Путеводитель ..., 1993, с. 15] «*Едва*, в *едва* Р, указывает, что Р имеет место на фоне факторов, ведущих к не-Р и затрудняющих реализацию Р». Для понимания смысла *едва* необходимо представление о наблюдателе:

(1) ... как вдруг **едва** приметная улыбка пробежала по тонким губам его (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1839—1841) [НКРЯ].

(2) ... на море поднялся туман; **едва** сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1839—1841) [Там же].

При интенсивности проявления свойства ниже нормальной от наблюдателя требуются дополнительные усилия. В примерах (1), (2) не только *едва*, но и *приметный*, *светился*, *ближний*, *улыбка пробежала по губам* указывают на присутствие наблюдателя, экспериенцера, фигуру, воспринимающую внешнюю картину. *Едва* может предполагать не просто наблюдателя, но и движущегося от предмета наблюдателя, когда «факторы, ведущие к не-Р» состоят в увеличении расстояния между наблюдателем и предметом наблюдения. Приведем несколько примеров из [Путеводитель ..., 1993, с. 16]:

(3) Горы стали **едва** заметны (наблюдатель удаляется от гор).

(4) *Мы долго шли вперёд, и вот уже горы стали **едва** заметны (наблюдатель приближается к горам).

Как известно, говорящий должен физически совпадать с наблюдателем в данном контексте: **Едва приметная улыбка пробежала по моим губам* невозможно, так как предполагает, что отдельный субъект наблюдает улыбку говорящего.

Ближайший французский эквивалент *едва* — это *à peine*, букв. ‘с трудом’, который своей внутренней формой отражает компонент смысла ‘затрудняющий’ в приведённом выше толковании. Существительное *peine* (муки, труд, работа, затруднение, трудность) входит в такие словосочетания, как *homme de peine* ‘рабочий на тяжёлых работах, чернорабочий’, *à peine perceptible / perçu* ‘трудноразличимый’, *à peine saisissable* ‘трудноуловимый’, *à peine sensible* ‘трудноощутимый’, есть также однокоренной глагол *se peiner* ‘напрягаться, прилагать усилия’.

Приведём пример эквивалентности данных слов при переводе:

(5) *Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видными на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею* (Н. В. Гоголь. Шинель, 1842) [НКРЯ]. — *Il s'approcha de cet endroit où la rue s'interrompait devant une place interminable avec, de l'autre côté, des maisons à peine visibles, et cette place avait l'air d'un désert effrayant* (Nikolai Gogol. Le Manteau (André Markowicz, 2007)) [Там же].

Носитель знания о конкретной ситуации. Дискурсивные слова рус. *САМ*, фр. (...) -*MÊME*.

Лексема *сам* подробно проанализирована в работе [Кибрик, 2003, с. 320—331]. Мы не во всём согласны с А. Е. Кибриком, разберём для примера только одно значение слова *сам* — ‘сам неожиданное’. А. Е. Кибрик определяет лексему *сам* как «один из операторов коррекции ожиданий адресата» [Там же, с. 320], однако мы считаем, что в данном случае адресату не следует приписывать ожидания. Носителем ожиданий является скрытый актант. Обратимся к примеру употребления лексемы *сам* ‘сам неожиданное’, который приводит А. Е. Кибрик [Там же, с. 321]:

(6) *Как все вчера гуляли! ^Сам Петров напился!* (знаком ^ автор обозначает безударное *сам*).

А. Е. Кибрик предлагает следующую трактовку операции, заданной лексемой *сам*: Гипотеза говорящего об информационных ожиданиях адресата: ‘Х имеет такое максимальное значение по введённой оценочной характеристике, что его участие в событии Р не ожидается’. В примере (6) «активирована оценочная характеристика ‘отсутствие склонности к алкоголю’, принимающая максимальное значение в отношении Петрова, что формирует ошибочное ожидание адресата речи, что Петров не может напиться, опровергаемое говорящим».

Инструкция адресату о коррекции информационных ожиданий: ‘Событие Р имеет место при участии Х-а’.

С нашей точки зрения, ничто не свидетельствует о наличии информационных ожиданий именно у адресата. В частности, адресат может вообще не знать об отсутствии у Петрова склонности к алкоголю и в ответ на (6) спросить «*А почему именно ^сам Петров?*». Поэтому логично приписать данное мнение скрытому носителю, представление которого о Петрове и корректирует говорящий с помощью лексемы *сам*. Все остальные приведённые выше свойства операции, вводимой с помощью *сам*, остаются в силе. Итак, с нашей точки зрения, лексема *сам* — это оператор коррекции знаний скрытого носителя знаний о ситуации. Заметим, что в данном употреблении *сам* ‘*сам* неожиданное’ сближается с частицей *даже*, ср. перевод с *даже сам*, при том, что в оригинале просто *сам* (*lui-même*) в (9) ниже:

(7) *Как все вчера гуляли! ^Даже Петров напился!*

Во французском русском *сам* соответствуют возвратные местоимения, составные с постпозитивным формантом *-même*. Ниже приводятся примеры соответствий с разными значениями лексемы *сам*, выделенными в [Кибрик, 2003, с. 320—331], сами значения в сокращённом виде приводим в скобках перед примером:

(8) *Сам* добавляющее (Знание, подлежащее коррекции: Х не обладает свойством Р / не является участником Р). *Je suis incapable d'élever un enfant car j'en suis un moi-même.* — *Я не способен воспитать ребёнка — я сам ребёнок* (Frédéric Beigbeder. 99 francs, 1997—2000; Фредерик Бегбедер. 99 франков; перевод И. Волевич, 2002) [НКРЯ].

(9) *Сам* неожиданное: (Знание, подлежащее коррекции: Участие Х-а в событии Р не ожидается). *L'homme de la locomotive l'ignore lui-même.* — *Даже сам машинист этого не знает Антуан де Сент-Экзюпер* (Antoine de Saint-Exupéry. Le petit prince, 1942; А. Сент-Экзюпери. Маленький принц; перевод Норы Галь, 1959) [Там же].

(10) *Сам* самостоятельное (Знание, подлежащее коррекции: Без внешней каузации или помощи Х не станет участником события Р). *Я бы сам поехал, но меня тут знают.* — *J'y serais bien allé moi-même, mais je suis connu* (С. Довлатов. Чемодан, 1986; Serguei Dovlatov. La valise; Jacques Michaut, 2001) [Там же].

5. Субъект представления о нормальном и отклоняющемся от нормы

Дискурсивные слова, рассмотренные в данном разделе, отсылают к антропоцентрическому элементу значения, который мы назвали *контролер*

нормального и /или ожидаемого. Хотя мы не можем утверждать, что такой элемент носит индивидуализированный, личностный характер, мы включили в рассмотрение связанные с ним лексемы. Внутренняя сторона обсуждаемых дискурсивных слов скорее соотносится с представлениями, присущими языковому коллективу в целом. Ср. «... представление о ответственности того или иного положения дел может входить в фонд общих знаний о мире, может быть частью общих знаний собеседников, а может относиться к языковым представлениям о мире — “принципам разграничения нормального и ненормального в языке” (термин В. З. Санникова)» [Иоанесян, 2011, с. 40].

КОНТРОЛЕР НОРМАЛЬНОГО И / или ОЖИДАЕМОГО: ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО РУС. *ПРЯМО*, ФР. *À MÊME LE/LA/LES*. Рассмотрим дискурсивное *прямо*, которое нужно отличать от наречия *прямо*, характеризующего траекторию в сочетании с глаголами движения. У наречия *прямо* во французском языке другие эквиваленты: *droit à l'ennemi* ‘прямо на врага’, *directement dans les yeux* ‘прямо в глаза’:

(11) *La 2e division, formée en colonnes par régiments, marcha droit à l'ennemi.* — 2-я дивизия, построившись в колонны по полкам, зашагала **прямо на врага** ... (Marie Pierre Hey. L'Éfroyable tragédie: Une nouvelle histoire de la campagne de Russie, 2012; Мари-Пьер Рэй. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год; перевод А. Ю. Терещенко, 2015) [НКРЯ].

В лексическое значение наречия *прямо* входит формальный геометрический признак ‘отсутствие кривизны’.

Кроме того, есть и другие наречные варианты *прямо*: с глаголами речи в значении ‘без обиняков’, фр. эквивалент *carrément*: *Je vous le dis carrément* ‘Я вам прямо скажу’; в значении лексической функции MAGN, фр. эквивалент *parfaitement*:

(12) ... что эта кампания англо-американцев **прямо** играет на руку фашистам. — ... que cette campagne anglo-américaine fait **parfaitement** le jeu des fascists (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3, 1960; Vassili Grossman. Vie et Destin, partie 3; Alexis Berelowitch, 1980) [Там же].

В отличие от трактовки дискурсивного *прямо* в [Путеводитель, 1993, с. 161], где предложено одно и то же толкование для *прямо* траектории и *прямо* контакта, мы сформулируем немного отличное от приведённого в этой работе толкование: *прямо* дискурсивное сигнализирует о непосредственном контакте участника ситуации и ориентира, нарушающем представление о нормальном устройстве мира, когда они должны быть разделены каким-то промежутком, каким-то барьером:

(13) *Il arrivait assez souvent que quelqu'un fasse un pied de nez aux normes de bonne conduite dans des photos qui ne seraient jamais rendues publiques,*

comme celle d'une dame bien vêtue prenant une bonne gorgée d'alcool à même la bouteille (www.linguee.fr). — Часто на фотографиях, не предназначенных для печати, видно, что кто-то намеренно нарушает правила хорошего тона, например, хорошо одетая дама отхлёбывает спиртное **прямо из бутылки**.

(14) *Les jeunes enfants jouent souvent à même le sol et mettent des objets sales dans leur bouche* (www.linguee.fr). — Дети часто играют **прямо на земле** и берут в рот всякую грязь.

(15) *Les chemises et chemisiers qui se portent à même la peau sont 100% coton* (www.linguee.fr). — Рубашки и блузки, которые носят **на голое тело** (букв. '**прямо на кожу**'), сшиты из чистого хлопка.

КОНТРОЛЕР НОРМАЛЬНОГО И / ИЛИ ОЖИДАЕМОГО: ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО РУС. ДАЖЕ, ФР. *MÊME / MÊME JUSQU'À / AU POINT DE / VOIRE*. Дискурсивное слово *даже*, называемое также частицей или фокальной частицей, неоднократно становилось предметом семантических и логико-семантических исследований. Его семантика связана с нарушением представления о нормальном, обычном, естественном состоянии мира. Обычно при толковании *даже* исследователи говорят о «представлении говорящего», см., например [Богуславский, 1996, с. 306]. Мы, как уже упоминалось, считаем более оправданным опираться на идею о различении нормального и ненормального со стороны коллективного носителя знаний о мире, которого мы условно называли контролером нормы. Рассмотрим разновидности данного элемента.

Смысл *даже* можно показать на следующем примере:

(16) *Жители привыкли к ядрам, залетавшим на их дворы; даже приступы Пугачёва уж не привлекали общего любопытства* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка, 1836) [НКРЯ]. Заметим, что слово *любопытство* А. С. Пушкин явно употребляет в каком-то отличном от современного понимания смысле. Лексема *даже* говорит о следующем:

- а) 'приступы Пугачёва не привлекали любопытства';
- б) 'существовали другие проявления агрессии со стороны мятежников';
- в) 'нормальность / ожидаемость того, что приступы Пугачёва не привлекают любопытства, минимальна по сравнению с нормальностью / ожидаемостью того, что другие проявления агрессии не привлекают любопытства'.

Как следует из частей б) и в) толкования, для такого употребления *даже* нужно, чтобы существовало множество объектов, обладающее тем же свойством, что и объект в сфере действия *даже* (в нашем примере это *приступы Пугачёва*). Кроме того, объекты, наделённые свойством (в нашем примере 'привлекать любопытство'), можно упорядочить в соответствии со шкалой,

показывающей, насколько нормально и ожидаемо обладание объектами данным свойством. Объект в сфере действия *даже* имеет минимальные шансы на обладание упомянутым свойством, но всё же ими обладает. В примере (17) фоновое множество объектов приведено в явном виде:

(17) *Сон необходим для поддержания жизни, присущ всем представителям животного мира: птицам, рептилиям, рыбам, млекопитающим и даже насекомым. — On sait qu' il est indispensable à la vie puisqu' on le retrouve dans l' ensemble du règne animal: chez les oiseaux, les reptiles, les poissons, les mammifères et même les insectes* (Сайт Французского института в Санкт-Петербурге (ABBY LingvoPRO), 2002—2006, www.ifspb.com. Le site de l'Institut Français à Saint-Petersbourg, 2002—2006 [НКРЯ].

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ФР. ЕТ МÊМЕ, РУС. И ВООБЩЕ. Модификация дискурсивного *et même*, эквивалентного не русскому *даже*, а русскому *и вообще*, соединяет два высказывания и выполняет метатекстовую роль, то есть служит так называемым текстовым коннектором. По определению Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, «коннектор — это такая лексическая единица L, что её произнесение есть сигнализирование автором высказывания логического отношения между двумя текстовыми сегментами» [Иорданская и др., 2002, с. 88]. Е. Р. Иоанесян относит единицу *et même* к самому факту произнесения логически связанных высказываний, ср. пример:

(18) *Est-ce que c'est facile de nettoyer une moquette, et même, est-ce que c'est possible? — Легко ли чистить ковровое покрытие, и вообще, возможно ли это?* [Иоанесян, 2011, с. 170—173]

Высказывание справа от *et même* 'и вообще' формулирует необходимое условие, для того, чтобы было осмысленно высказывание слева: чистить ковёр может быть легко или трудно только при условии, что это, вообще, возможно. Аналогично в примере (19) английская лексема *even*, в общем случае соотносимая с русским *даже*, в данном случае является текстовым коннектором и соответствует русскому *вообще*. В фильме "The Highwaymen" (2019) (русское название «Догнать Бонни и Клайда») контекст такой: герои, два бывших рейнджера, получают неофициальное задание найти и ликвидировать очень молодых преступников, один из рейнджеров в процессе поисков начинает их жалеть, второй говорит ему с раздражением:

(19) *Why did you even come? — Зачем ты вообще со мной поехал?*

Он подразумевает: «Зачем ты их жалеешь, и вообще, зачем ты со мной поехал?». Как и в примере (18), высказывание справа от *вообще* (поехал на задание) является необходимым условием осмысленности высказывания слева (жалеет преступников).

Отклоняющиеся от нормы ситуации. Когда *даже* относится не к отдельному объекту, а к целому предложению, обозначаемая предложением ситуация представляется как значительно отклоняющаяся от нормального состояния мира. В таких контекстах русскому *даже* соответствуют французские *jusqu'à* или *au point de*. Французские эквиваленты, в отличие от русского *даже*, сохраняют форму исходных лексем: *jusqu'à* является пространственным предлогом со значением 'до', 'вплоть до', а лексема *point* означает 'точка, место, предельная точка', а *au point de* 'до такой предельной точки, что', ср. примеры (20), (21) и (22):

(20) *Il va même jusqu'à affirmer: "Je préfère te voir dans le cercueil plutôt qu'à la chaire épiscopale"* (www.linguee.fr). — Он доходит **даже до (того, чтобы)** утверждать: «Предпочту увидеть тебя лучше в гробу, чем на епископской кафедре».

(21) *Il va même jusqu'à se servir de femmes et d'enfants comme boucliers humains* (www.linguee.fr). — Он доходит **даже до (того, чтобы)** использовать женщин и детей как живой щит.

(22) ... *et en passant devant la pagode, j'ai compris pourquoi elle se détachait si bien de l'obscurité au point de m'avoir paru phosphorescente*. — ... и, проходя мимо пагоды, понял, почему она выделялась в темноте **до того, что** мне *даже* показалась фосфоресцирующей (Patrick Modiano. Quartier perdu, 1985; Патрик Модиано. Утраченный мир; перевод Ю. Яхнина, 1989) [НКРЯ].

Переход к экстремальной номинации. Ещё одно употребление *даже* связано с переходом от менее сильной к более сильной номинации, и в этом случае его эквивалентом служит французское *voire*, примеры (23) и (24):

(23) *Pour beaucoup d'entre nous, la guerre est un phénomène difficile, voire impossible, à comprendre* (www.linguee.fr). — Для многих из нас война — это что-то трудное, и **даже** невозможное для понимания.

(24) *Si nous risquons réellement une épidémie, voire une pandémie, dans le monde développé, nous devrions nous examiner très soigneusement* (www.linguee.fr). — Если мы идём на риск эпидемии, **даже** пандемии, в развитых странах, нам следует очень внимательно к себе присмотреться.

В примере (23) *невозможное* это более сильное прилагательное, чем *трудное*, в примере (24) — *пандемия* более страшное явление, чем *эпидемия*.

Возникает вопрос: если *даже*, относящееся к отдельным объектам, как, например, в предложении *Даже кошка понимает слово «нельзя»*, означает их минимальную способность обладать каким-то свойством, напротив, *даже* при целых предложениях и номинациях означает отклонение от ожидаемого в сторону более сильного и даже экстремального, каким

должно быть обобщающее толкование? Можно предложить такое объяснение: *даже* при отдельных объектах фиксирует как значительное отклонение от нормы сам факт того, что при малой вероятности они всё же обладают данным свойством.

6. Заключение

В заключение мы бы хотели остановиться на преимуществах, которые даёт нам представление о разнообразии антропоцентрических элементов. При сопоставлении лексем двух языков мы видим, что в каких-то случаях нескольким русским лексемам соответствует одна французская: в случае *même* это *даже*, *вообще*, *сам*, *прямо*, а также местоимённое прилагательное тождества *тот же*. О последнем речи в данной статье не идёт, однако о нём см. [Гулыга, 2017], где показано, что и тождество, и идентификация парадоксальным образом фиксируют целый спектр отклонений от нормы. Мы считаем, что, принимая существование субъекта второго плана, наделённого более или менее единой функцией, можно избежать описания французской лексемы *même* как многозначной и понять, почему носитель языка в столь разных контекстах употребляет одно и то же слово.

Второе соображение состоит в возможности учесть внутреннюю форму лексемы, часто отсылающую к проявлениям действий и состояний человека. Во-первых, внутренняя форма может стать одним из критериев сопоставления единиц двух языков. Мы видим, что из рассмотренных нами какие-то служебные лексемы лучше сохраняют связь с исходными полноточными словами. Таковы, например, русские *прямо* и *(и) вообще*, французские *à peine* ‘едва’, связанное со словом *peine* ‘труд, усилие’, *jusqu’à*, *au point de*, связанные со словами *до (предела)* и *на пределе*. Другие, как *même* из лат. *egomet ipse* ‘лично я сам’ или *voire* из лат. *vera* ‘поистине’, на синхронном уровне уже не прозрачны, так же, как русские *даже* и *едва*.

Кроме того, можно отметить специфику исходных лексем — они в одних случаях являются характеристиками человека, в других — характеристиками внешней ситуации. Так, *peine* во французском *à peine* ‘едва’ отсылает к усилию наблюдателя, то есть антропоцентрического элемента второго плана. *Jusqu’à* ‘до (предела)’ и *au point de* ‘на пределе’ ассоциируются с выполнением человеком логической операции размещения на шкале. *Прямо* связано с геометрической формой линии, то есть свойством внешнего мира. *Вообще* связано с идеей перехода от частного к общему, то есть ещё одной логической операцией мыслящего субъекта.

Благодаря таким деталям мы можем обнаружить большее разнообразие лингвистических следствий из существования фигур второго плана

и бо́льшую мотивированность связанных с ними лексем. Кроме того, они дают нам дополнительные критерии для сопоставления лексики разных языков.

Источники и условные сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/new/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. — Москва : ВИНТИ. — 1986. — № 28. — С. 5—33.

2. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии : в 2 томах. Том 1. Парадигматика / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянской культуры, 2009. — 568 с.

3. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян [и др.]. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 912 с.

4. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 460 с.

5. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.

6. Гулыга О. А. Тожество, подобие и статус активированности (местоименные прилагательные *tête* и *tot* же французского и русского языков) / О. А. Гулыга // Учёные записки Орловского государственного университета. — Орёл : ОГУ имени И. С. Тургенева, — 2017. — № 7 (77). — С. 73—80.

7. Иоанесян Е. Р. Аргументативные значения языковых единиц (на материале русского и французского языков) / Е. Р. Иоанесян. — Москва : Институт языкознания РАН, 2011. — 219 с.

8. Иорданская Л. Н. Текстовые коннекторы в разных языках : французское *en effet* VS русское в самом деле / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук // Семиотика и информатика. — Москва : ВИНТИ, 2002. — Выпуск 37. — С. 78—115.

9. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. — Санкт-Петербург : Алтейя, 2003. — 661 с.

10. Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени : семантические модели и семантические механизмы (MAGN'-ы-прилагательные) / Г. И. Кустова // Слово и язык : сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — С. 256—268.

11. Кустова Г. И. Экспериментальная сфера и концепт тяжести в русском языке / Семиотика и информатика. — Москва : ВИНТИ, 2002. — Выпуск 37. — С. 116—146.

12. Падучева Е. В. Наблюдатель : типология и возможные трактовки / Е. В. Падучева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды международной конференции «Диалог». — Москва : Издательство РГГУ, 2006. — С. 403—413.

13. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянских культур, 2018. — 440 с.

15. *Путеводитель* по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Предварительная публикация по русско-французскому проекту «Описание дискурсивных слов русского языка». — Москва : Помовский и партнёры, 1993. — 207 с.
16. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. — Москва : Гнозис, 1994. — 343 с.
17. Ducrot O. Quelques raisons de distinguer “locuteurs” et “énonceateurs” / Polyphonie — linguistique et littéraire. — 2001. — № 3. — Pp. 19—41.
18. Culioli A. Pour une linguistique de l'énonciation : opérations et représentations / A. Culioli. — Paris : Ophrys, 1991. — T. 1. — 225 p.

ON TYPES OF ANTHROPOCENTRIC ELEMENTS IN SEMANTICS OF DISCURSIVE WORDS (BY MATERIAL OF FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES)

© Olga A. Gulyga (2019), orcid.org/0000-0002-1399-8557, PhD in Philology, senior research scientist, sector of Roman languages, Federal State Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ogulyga@yandex.ru.

The article is devoted to the analysis of the elements of meaning with the semantic sign of 'man' (anthropocentric elements) on the material of the Russian and French languages. Their role in the semantics of formal tokens and discursive words is discussed. The classification of a number of hidden anthropocentric elements is proposed, substantiation of this classification is given. Novelty of research consists in that such elements are related not only to a speaker and an observer, as in many works on similar topic, but to a carrier of a point of view, norm, a scale controller. The results of the additions of modern service descriptions and discursive words are presented. The author notes that the existing descriptions of the semantics for indicating an implicit presence of the element *man* use the impersonal construction or indicate the internal state of one of the main semantic actants (X wants, X believes that, X is experiencing the condition Y), or introduce the indicators of logical, emotional, probabilistic assessment, that is individualized figure behind the scenes is explicitly absent. It is proposed to include in the semantic description various types of anthropocentric elements of the hidden plan instead of combining them under the names of a *speaker* or an *observer*.

Key words: anthropocentrism; implication; subjectivity; deixis; discourse words; perception; observer; norm; subject of consciousness; experiencer.

MATERIAL RESOURCES

NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/>. (In Russ.).

REFERENCES

- Apresyan, Yu. D. (1986). Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira. In: *Semiotika i informatika*, 28. Moskva: VINITI. 5—33. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii: v 2 tomakh, 1. Paradigmatika*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

- Apresyan, Yu. D, Apresyan, V. Yu. (2006). *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksiko-grafiya*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Baranov, A. N, Plungyan, V. A, Rakhilina, E. V. (1993). Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka. In: *Predvaritelnaya publikatsiya po russko-frantsuzskomu projektu «Opisaniye diskursivnykh slov russkogo yazyka»*. Moskva: Pomovskiy i partnery. (In Russ.).
- Boguslavskiy, I. M. (1996). *Sfera deystviya leksicheskikh yedinit*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Bulygina, T. V, Shmelev, A. D. (1997). *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
- Culioli, A. (1991). Pour une linguistique de l'énonciation: operations et representations. Paris: Ophrys, 1: (In Fran.).
- Ducrot, O. (2001). Quelques raisons de distinguer “locuteurs” et “énonceateurs”. *Polyphonie — linguistique et littéraire*, 3: 19—41. (In Fren.).
- Gulyga, O. A. (2017). Tozhdestvo, podobiye i status aktivirovannosti (mestoimennyye prilagatelnyye même i tot zhe frantsuzskogo i russkogo yazykov). *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7 (77): 73—80. (In Russ.).
- Ioanesyan, E. R. (2011). *Argumentativnyye znacheniya yazykovykh yedinit (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
- Iordanskaya, L. N, Melchuk, I. A. (2002). Tekstovyye konnektory v raznykh yazykakh: frantsuzskoye en effet VS russkoye v samom dele. *Semiotika i informatika*, 37: 78—115. (In Russ.).
- Kibrik, A. E. (2003). *Konstanty i peremennyye yazyka*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2002). Eksperientsialnaya sfera i kontsept tyazhesti v russkom yazyke. *Semiotika i informatika*, 37: 116—146. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2011). Slova so znacheniyem vysokoy stepeni: semanticheskiye modeli i semanticheskiye mekhanizmy (MAGN'y-prilagatelnyye). In: *Slovo i yazyk: sbornik statey k 80-letiyu akademika Yu. D. Apresyana*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. 256—268. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2006). Nablyudatel': tipologiya i vozmozhnyye traktovki. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoy konferentsii Dialog*. Moskva: Izdatelstvo RGGU. 403—413. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2018). *Egotsentricheskiye yedinit*y yazyka. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
- Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).